

УДК 811.163.1

Войлова К.А.

Московский государственный областной университет

СЛОВО ПУСТЫННЫЙ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ОСНОВЫ ПУСТЫНЯ В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА

K. Voylova

Moscow State Regional University

THE WORD “ПУСТЫННЫЙ” AS A REPRESENTANT OF THE PARENT BASIS “ПУСТЫНЯ” IN THE WORKS OF A.PUSHKIN

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования лексико-семантических отношений между производящей и производной основами лексических единиц художественного текста. Сравнение семантического объема слов *пустыня* и *пустынный* в языке произведений А.С. Пушкина продемонстрировало креативную работу писателя над словом, его выразительным потенциалом, художественных потенциях. Статья адресована аспирантам и студентам, работающим в контексте исследования пушкинского художественного пространства, а также по проблематике художественного текста вообще.

Ключевые слова: производящая и производная основы, эмотивность, экспрессивность, оценочность, художественный текст, художественное пространство, значение, сема, лексема.

Abstract. The article deals with the formation of lexical and semantic relations between the parent and derivative bases of lexical units of fiction text. A comparison between the semantic volumes of the words *пустыня* and *пустынный* in Pushkin's fiction demonstrated the creative work done by the writer on the language and on its expressive potential. The article is intended for students and postgraduates studying Pushkin's artistic space.

Key words: parent and derivative bases, emotiveness, expressiveness, evaluativeness, fiction text, artistic space, meaning, seme, lexeme.

Творчество Пушкина изобразило все многообразие жизни русского общества 1-ой половины XIX века, изобразило с такой познавательной силой, с такой широтой и глубиной, что язык произведений писателя (лексика и фразеология живых форм русского языка, образность и меткость народной речи, богатство традиционного книжного языка, семантический потенциал европейского слова, средства номинации тюркских языков и т. д.) оказался объективным отражением исторического процесса времени и пространства, в которых пребывал сам писатель. В.Г. Белинский, отзываясь о творчестве писателя, заметил: «Из русского языка Пушкин сделал чудо» [1, с. 160]. Чудо, на наш взгляд, заключается в том гениальном подходе Пушкина к отбору языковых средств (книжных, разговорных, просторечных, заимствованных и т. д.) для языка своих произведений, который перестроил систему книжной речи русского литературного языка, сообщил ей стилистическое многообразие и самобытность, сформировал новые, ранее неизвестные стилистические разновидности художественного стиля, новые стилистические категории русского языка.

Слово *пустынный* является ядерной единицей русского литературного языка, оно используется в разных стилях и типах русской речи, характеризуется при этом нейтральной стилистической окрашенностью. Во времена Пушкина слово *пустынный* было довольно употребительным и частотным. В.И. Даль отметил следующие значения в семантической структуре этой лексической единицы: *безлюдный, отшельный, одинокий*, соотнося эти производные с *пустыней* как *необитаемым, обширным местом, простором, степью*.

В художественном пространстве А.С. Пушкина производное слово *пустыня* имеет четыре значения:

1. *Обширное, малоорашаемое пространство земли со скудной растительностью; обширная равнина, степь.* Данная сема может реализоваться в переносных значениях:

а) по отношению к к.-л. общественному явлению, науке, культуре, политике;

б) *О жизни; о здешнем, земном или потустороннем мире* [с определением].

2. *Вообще безлюдное место, безлюдье.*

3. *О месте, удаленном от культурного центра, общества; место уединения кого-н.*

4. *Простор, свободное, незаселенное или малозаселенное пространство* [2, с. 930].

Производное слово *пустынный* используется А.С. Пушкиным в шести значениях:

1. *Принадлежащий, свойственный безлюдной местности;*

2. *Обитающий, находящийся в безлюдной, малонаселенной местности; уединённый;*

3. *Пребывающий в духовном одиночестве, без близких ему людей (пустынный мир, свет);*

4. *Удалённый от других, один без других, одинокий;*

5. *Живущий, находящийся в одиночестве, уединённый;*

6. *Необитаемый, безлюдный; малолюдный, пустой.* [2, с. 928].

Итак, первое и второе значения производного слова соотносимы со вторым значением производящего слова; четвертое и пятое значения – с третьим значением производящего слова; шестое значение соотносимо с четвертым значением.

Возникает вопрос: почему первое значение слова *пустыня* (*Обширное, малоорашаемое пространство земли со скудной растительностью; обширная равнина, степь*) не репрезентировано производящим словом: *В пустыне чахлой и пустой, На почве, зноем раскаленной, Анчар, как грозный часовой, Стоит – один во всей вселенной («Анчар»)*. Это можно бы было объяснить тем, что а) это значение не отражало русской картины мира, оно развилось в русском языке в более позднее время, поэтому оно не представлено у Пушкина членами словообразовательной парадигмы; б) именно эта семантика слова начинает использоваться в переносном значении:

а) по отношению к к.-л. общественному явлению, науке, культуре, политике: *Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и Слово о полку*

Ср.:

Значения производного слова	Значения производящего слова
2. <i>Человек мой со вьючными лошадьми от меня отстал. Я ехал один в цветущей пустыне, окружённой издали горами («Путешествие в Арзрум»);</i>	1. <i>И долго после, ночью тёмной, Бродил близ тихих берегов, Богатыря призрак огромный Пугал пустынных рыбаков («Руслан и Людмила»);</i> 2. <i>Что делаешь, Руслан несчастный, Один в пустынной тишине? («Руслан и Людмила»);</i>
3. <i>В пустыне, где один Евгений мог оценить его дары, Господ соседственных селений Ему не нравились пиры («Евгений Онегин»);</i>	4. <i>Глубокой ночи на полях Давно лежали покрывала, И слабо в бедных облаках Звезда пустынная сияла («Наездники»);</i> 5. <i>Сперва задумал наш Евгений Порядок новый учредить. В своей глуши мудрец пустынный Ярм от барщины старинной Оброком легким заменил; И раб судьбу благословил («Евгений Онегин»);</i>
4. <i>Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами («Капитанская дочка»);</i>	6. <i>Сия пустынная страна Священна для души поэта: Она Державиным воспета И славой русскою полна («Баратынскому»);</i>

Игоре́ве возвышается уединенным памятником в *пустыне* нашей древней словесности («О ничтожестве литературы русской»);

б) О жизни; о здешнем, земном или потустороннем мире [с определением]: *Благословен же будь отныне Судьбою* вверенный мне дар. Доселе в *жизненной пустыне*, Во мне питая сердца жар, Мне навлекал одно гоненье («Увы! Язык любви болтливый»).

На наш взгляд, словообразовательная потенция слова *пустыня* связана со смысловой структурой лексической единицы (денотатом), которая может включать в себя семы, способствующие образованию того или иного производного слова – это семы эмотивности, экспрессивности и оценочности.

Эмотивность как семантическая категория реализуется в языке произведений А.С. Пушкина в виде эмотивов-номинаций, эмотивов-коннотаций, эмотивов-потенций. Эмотив-номинация уточняет содержательную сторону семы денотата *пустыня* – О жизни; о здешнем, земном или потустороннем мире [с определением]: *Благословен же будь отныне Судьбою* вверенный мне дар. Доселе в *жизненной пустыне*, Во мне питая сердца жар, Мне навлекал одно гоненье («Увы! Язык любви болтливый»); ...По *жизненной стезе* во мраке вождь унылый, Влечет несчастного до хладных врат могилы. И что его в *пустыне гробовой* – Кто ведает? но там лишь видит он покой («Безверие»); эмотив-номинация может создаваться всем контекстом, расширяя содержание денотата: *Недаром темною стезей Я проходил пустыню мира, О нет! недаром жизнь и лира Мне были вверены судьбой!* («Козлову «Певец! Когда перед тобой»).

От эмотива-номинации у Пушкина не образовано прилагательного *пустынный*, потому что эмотивное значение, уточняя содержательную сторону денотата, формируется либо словосочетанием (в *жизненной пустыне*), либо контекстом (*Недаром темною стезей Я проходил пустыню мира, О нет! недаром жизнь и лира Мне были вверены судьбой!* («Козлову «Певец! Когда перед тобой»)).

Эмотив-коннотация используется А.С. Пушкиным в переносном значении денота-

та, когда коннотация служит для выражения эмоционального выражения говорящего к предмету речи: *Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и Слово о полку Игоре́ве* возвышается уединенным памятником в *пустыне* нашей древней словесности («О ничтожестве литературы русской»); *Молчит певица* вешних дней в *пустыне* темной рощи («Мечтатель «По небу крадется луна»); *И песнь его* была ясна, Как мысли девы простодушной, Как сон младенца, как луна В *пустынях* неба безмятежных («Евгений Онегин»).

Переносное значение, как правило, является репрезентантом категории эмотивности, характерной для выражения эмоционального состояния говорящего, которое всегда субъективно и неожиданно, всегда изменчиво и непостоянно, – прилагательное *пустынный* не могло образоваться от производящей основы, не имеющей в русском языке статуса лексической единицы с исторически сформировавшейся, постоянной смысловой структурой.

Эмотив-потенция реализуется в адгерентной и ингерентной разновидностях [3, с. 21], что сближает его с экспрессемой. Эмотив-потенция адгерентного характера не входит непосредственно в семный состав денотата, а находится на его периферии, так как он не включается в дефиницию и не является коннотативно значимым, однако в художественном тексте может использоваться как репрезентант реалии, вызывающей негативные эмоции: *Вот выезжает он в долину; Какую ж видит он картину? Кругом пустыня, дичь и голь, А в стороне торчит глаголь, И на глаголе том два тела* *Висят* («Альфонс садится на коня»). Здесь слово *пустыня* хотя и не содержит в своем значении эмотивной семы, однако с нею связан целый ряд негативных эмоций, выражаемых единицами контекста: *дичь, голь, глаголь* ('виселица'). От эмотив-потенции адгерентного типа образуется прилагательное *пустынный*, выражающее тоже негативные эмоции: *Вдруг меж дерев шалаши* *убогий; Кругом все глушь; отсюда он пус-*

тынным снегом занесен («Евгений Онегин»); *Что делаешь, Руслан несчастный, Один в пустынной тишине?* («Руслан и Людмила»). Несмотря на то что негативная сторона производного слова формируется контекстом (*шалаш убогой, глушь; Руслан несчастный, один в тишине*), прилагательное **пустынный** в перспективе будет развивать и совершенствовать негативную сторону своей семантики, поэтому оно и относится к эмоциям, **потенциально** значимым.

Эмотив-потенция ингерентной разновидности является семой производящего слова или целого выражения: *Нет; они стараются сохранить тон хорошего общества; проповедают сей тон и другим братьям, но проповедают в пустыне* («Гр. К. Разумовский»). В данном контексте словосочетание *проповедать в пустыне* потенциально выражает чувство разочарования кого-л., неверия кому-л. – *«тицетно, напрасно обращаться с призывом к кому-н.»*. Производное **пустынный** сохраняет эту семантику производящего слова: *Мне жаль, --- Что не живем семьей дружной В довольстве, в тишине досужной, Старая близ могил родных В своих поместьях родовых, Где в нашем тереме забытом Растет пустынная трава* («Езерский»); *Утешь тогда страдальца муки, Скажи: «ее на свете нет – Лаура не снесла разлуки И бросила пустынный свет»* («Романс. Под вечер, осенью ненастной»).

Экспрессивность как категория, способствующая донесению логической и эмоциональной информации до перцепиента, может входить в денотацию и даже занимать в структуре лексемы доминирующее положение, если предметно-понятийное значение затемнено, размыто, не обладает в достаточной мере информативной значимостью. Как правило, это относится к искусственным словам, которые создавали поэты-футуристы, а также представители закрытых социумов. Кроме того, экспрессивный компонент может входить в семантику неологизмов, архаизмов, историзмов в качестве уточняющей семы. В языке произведений А.С. Пушкина экспрессивная сема является частью денотативной

стороны контекста, смысл которого понятен только кругу лиц, стремящихся скрыть смысл сказанного от других собеседников. Это наблюдается при имитации единиц устного народного творчества, где единицы живой речи составляют основу повествования: *Хозяин вынул из ставца штоф и стакан, подошел к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхе, – сказал он, опять ты в нашем краю! Отколе Бог принес?» Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «В огород летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком – да мимо. Ну а что ваши?» – Да что наши! – отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. – Стали было к вечеру звонить, да попадья не велит, поп в гостях, черти на погосте. «Молчи, дядя, – возразил мой бродяга, – будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит...»* («Капитанская дочка»).

Экспрессивный компонент в семантической структуре слова *пустыня* у А.С. Пушкина не выражен отдельной семой, потому что слово *пустыня* – единица книжная по своей стилистической окрашенности, а экспрессивность, как правило, характерна для типов речи разговорного характера. Однако при переносном употреблении слова, в синтаксических конструкциях разговорного плана слово *пустыня* изменяет свой стилистический статус от эмоциональности в сторону экспрессивности: *«Дамет! куда, скажи, в одежде столь убогой Средь Рима пышного бредешь своей дорогой?» «Куда? не знаю сам Пустыни я ищу, Среди разврата жить уж боле не хочу...»* («К Лицинию. (С латинского) («Лициний, зришь ли ты? на быстрой колеснице»)). То же самое наблюдаем в семантике производного слова *пустынный*, которое, реализуясь в контексте разговорного характера, сему эмоциональности дополняет семой экспрессивности: *Бог помочь вам, друзья мои, И в бурях, и в житейском горе, В краю чужом, в пустынном море, И в мрачных пропастях земли!* («19 октября 1827 »).

Оценочный компонент – аксиосема – в составе денотата объективирует оценочное

отношение социума к объекту высказывания и может быть частью денотата (*Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами* («Капитанская дочка»); может являться семой, которая как бы связывает денотат с коннотатом (*В пустыне, где один Евгений Мог оценить его дары, Господ соседственных селений Ему не нравились пиры* («Евгений Онегин»)); может выступать в качестве коннотата в оценочно-экспрессивных метафорах и словах с суффиксами субъективной оценки (*Когда Рогдай неукротимый, Пустился в край уединенный И ехал меж пустынь лесных, в глубоко думу погруженный – Злой дух тревожил и смущал Его тоскующую душу* («Руслан и Людмила»)); может выражать свою семантику ассоциативно (*Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Иванович, – нашло меня в пустынях Молдавии* (Письмо Н.И. Гнедичу).

Оценочный компонент производного слова *пустынный* так же может характеризоваться подобными отношениями с денотатом: он может быть частью денотата (*Когда пустынная луна Текла туманною стезею, Я видел – дева у окна Одна задумчиво сидела* («Окно»)); может связывать денотат с коннотатом: (*И мирных сел Венеру По трепетным волнам Несут они в пещеру - Любви пустынный храм* («Фавн и Пастушка»)); может выражать семантику ассоциативно (*Свободы сеятель пустынный, Я вышел рано, до звезды* («Свободы сеятель пустынный»). Не отмечено лишь употребление слова *пустынный* в оценочно-экспрессивных метафорах и словах с суффиксами субъективной оценки.

Итак, в пушкинском художественном пространстве отношения производного и производящего слова находятся в сложном переплетении и взаимодействии друг с другом,

категории денотативности, эмотивности, экспрессивности и оценочности, определяющие смысловую структуру слов, усложняют это переплетение и взаимодействие, формируя выразительную сторону художественной речи. А.С. Пушкин, руководствуясь принципами «соразмерности» и «сообразности», отбирал из общенационального русского языка те лексические единицы, которые в художественном пространстве отразили бы красоту русского языка, его потенции в изображении русской национальной картины мира, сообщили бы ему стилистическое многообразие и самобытность. «В каждом знаке поэтического языка как бы высвобождается дополнительная, до тех пор скрытая смысловая энергия, которая создает потенцию его нового, гораздо более разнообразного и интенсивного использования в последующей поэтической традиции», – справедливо заметил по этому поводу Б.М. Гаспаров [4, с. 331]. Феномен Пушкина как *творца* заключается в том, что он в рамках своего художественного пространства создал не только новую для литературного языка стилистическую систему, но и при образовании новых слов учитывал разные стороны семантики производящего слова и на их базе формировал класс новых семантических и изобразительно-выразительных признаков слов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белинский В.Г. Собр. соч. в 3-х томах, т. 11. – М.: ОГИЗ, 1948. – 930 с.
2. Словарь языка Пушкина в четырех томах. – Т. 111. – М., 2001. – 1281 с.
3. Шаховский В.И. Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. – 1994. – № 1. – С. 20-25. – 628 с.
4. Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. – СПб.: Академический проект, 1999. – 397 с.